

Глава 10: Духовный родник под покровом мегаполиса и безмолвная защита

Тяжелая атмосфера за завтраком

Утренний свет пробивался сквозь слегка поблекшие шторы в гостиной семьи Хань — после многочисленных стирок ткань приобрела характерный белесоватый оттенок, — и падал на узкий, но чистый обеденный стол. Мелкие пылинки кружились в лучах света, словно бездумные живые существа, словно насмехаясь над застывшей в комнате атмосферой.

Утро, которое обычно наполнялось ароматом жареных палочек из теста и привычной суетой, сейчас казалось холодным, точно ледяной погреб на севере, не оттаивавший тысячелетиями.

Хань Тяньюнь опустила ресницы, и густые ресницы отбросили тяжелую тень на ее лицо. Ее изящные пальцы крепко сжимали фарфоровую ложку, механически помешивая рисовую кашу. Столкновение ложки о стенки пиалы издавало звонкий и монотонный звук, казавшийся невероятно резким в мертвой тишине. Каждый такой удар отдавался в сердце Цзю Сяньлиня словно набат.

— Послушай... Тяньюнь, сегодня в охранной компании выдают премию, говорят, это поощрение за того пойманного воришку на днях, — Хань Цзэ изо всех сил старался выдавить из себя улыбку, уголки его рта судорожно подергивались в попытке рассеять эту почти удушливую тишину. Он тер покрасневшие от бессонной ночи глаза и с опаской заглядывал дочери в лицо. — Как насчет того... чтобы вечером папа отвел вас в тот старый ресторан горячего котла? Баранина там самая свежая, ты же всегда ее так любила?

Хань Тяньюнь на мгновение замерла с ложкой в руке, но тут же вновь обрела спокойствие. Так и не подняв головы, она заговорила ровным, безжизненным голосом, в котором не осталось и следа прежней мягкости:

— Пап, у меня сегодня в детском саду собрание, еще нужно закончить планы занятий на следующую неделю, так что я могу засидеться. Идите без меня, не ждите.

С этими словами она отложила ложку, даже не притронувшись к каше. Грациозно и сдержанно поднявшись, она взяла сумочку у входа. От начала и до конца ее взгляд ни на секунду не пересекся с взглядом Цзю Сяньлиня, который сидел в стороне и молча жевал пончик.

Входная дверь щелкнула, закрываясь. Этот резкий звук заставил Хань Цзэ вздрогнуть. Подобно сдвинутому мячу, он осел на стул, тяжело вздохнул и перевел взгляд на Цзю Сяньлиня, переполненный отцовской тревогой.

— Мелкий, скажи дяде честно, что вчера произошло у вас на этом банкете клана Линь? — Голос Хань Цзэ упал почти до шепота и звучал с хрипотцей. — Тяньюнь выросла на моих глазах, она чиста душой и не умеет скрывать то, что на сердце. То, как она смотрит на тебя сейчас... ненормально, очень ненормально. В ее взгляде страх, но еще больше в нем... борьбы.

Цзю Сяньлинь медленно опустил уже остывший пончик. Смотря на покрасневшие глаза Хань Цзэ, в которых, несмотря ни на что, читалось искреннее и глубокое участие, он почувствовал, как на душе скребут кошки.

Он приоткрыл рот, желая что-то сказать, но внезапно понял, до чего же беден человеческий язык. Как объяснить ему понятие предназначенной судьбой возлюбленной? Как растолковать партию в шахматы Трех Миров? Как поведать этому простому дяде-охраннику, что его собственная дочь — Сердце Массива, способное направлять потоки духовной энергии во всем мире?

— Дядя, вчера произошла небольшая неприятность, встретился один противный тип, — Цзю Сяньлинь опустил голову, челка скрыла его глаза, а голос прозвучал легко, словно дуновение ветерка. — Но я обещаю вам... что бы ни случилось, я буду защищать ее. Даже если небеса рухнут, я прикрою ее собой.

Это были не пустые юношеские хвастливые речи, а самое весомое обещание небожителя в мире смертных.

Глядя на серьезное лицо Цзю Сяньлиня, Хань Цзэ, пусть и не понимал истинного смысла сказанного, всё же тяжело опустил руку ему на плечо. Затем он встал, натянул помятую форму охранника и молча отправился навстречу очередной смене, полной забот о выживании.

Сокрытый духовный родник

Выйдя за ворота жилого комплекса, Цзю Сяньлинь глубоко вздохнул.

В привычной удушливой атмосфере мегаполиса, помимо запаха выхлопных газов и сухой пыли железобетона, теперь отчетливо ощущалось несколько скрытых, агрессивных и зловещих волн.

Он не оглянулся, но его превосходящие человеческие возможности восприятие четко зафиксировало: в черном фургоне на другой стороне улицы и за газетным киоском у поворота несколько полных жадности и оценки взглядов намертво впились ему в спину.

— Как мухи, тошно смотреть.

Взгляд Цзю Сяньлиня похолодел. Он понимал, что слова Су Бая на банкете окончательно растревожили гиен, затаившихся в тесках городской суеты. Быть может, они пока еще не решались открыто напасть на него, столь подозрительного и сильного мастера, но Хань Тяньюнь — их Живое Око — уже превратилась в самую желанную добычу для всех практиков.

Он не пошел в детский сад, а намеренно сделал несколько кругов по оживленным кварталам, стряхнув низкоранговых хвостов, после чего свернул в давно заброшенный район на севере города.

Когда-то здесь располагался старый парк, но из-за перепланировки и городской застройки его со всех сторон зажали высокие стены из стали и бетона, превратив в изолированный остров. В иссохшем от нехватки духовной энергии две тысячи двадцать пятом году живые жилы города уже давно были искромсаны переплетающимися линиями метро и фундаментами зданий, но в восприятии Цзю Сяньлиня здесь все еще теплился крошечный, но чистейший огонек жизни.

Это был последний вздох земли, не желавшей умирать.

Перемахнув через ржавую железную ограду и ступая по толстому слою прелых листьев, он подошел к старому пересохшему фонтану, заваленному пустыми пластиковыми бутылками и строительным мусором. Статуя в центре фонтана давно обломалась и покрылась пятнами мха.

Цзю Сяньлинь присел на корточки и провел тонкими пальцами по цементному полу на дне фонтана. Он чувствовал: примерно в пяти метрах под этой коркой скрывался запечатанный древний колодец — единственный источник духовной энергии во всем городе.

— Нашел.

Голыми руками раскопав тяжелые куски цемента и щебня, он ободрал пальцы о шерсть камней до едва заметных золотисто-красных капель крови, но не обратил на это внимания. Когда показалось покрытое ржавчиной железное устье колодца, в лицо пахнуло слабым, почти бесплотным холодком.

Цзю Сяньлинь достал из кармана несколько дешевых нефритов, купленных накануне ночью — для смертных это были всего лишь украшения из заурядного сырья, но в его руках они превратились в носители для массива. Он взял отрезок тонкой медной проволоки, приобретенной в хозяйственном магазине в качестве самого легкодоступного проводника духовной энергии.

Затаив дыхание, он сосредоточился, и его пальцы заскользили в воздухе, быстро вычерчивая линии. Пускай у него не осталось бессмертной силы, понимание законов работы Небесного Пути уже въелось в каждую его косточку.

Используя старый колодец в качестве Сердца Массива, он зарыл медную проволоку в нужных точках и вставил нефритовые пластины по углам Цянь, Кунь, Кань и Ли. Это был массив Блокировки Духа и Сокрытия Ауры. Влив крупицу накопленной за эти дни силы души в маленькую деревянную подвеску с дешевым облачным узором, купленную им на уличной разладке, он закрепил её на месте.

Деревянная вещица жадно впитала последние крохи энергии, сочащиеся со дна колодца, и тусклый оттенок дерева вдруг озарился едва заметным первозданным сиянием, которое тут же вновь растворилось в глубине материала.

Этот амулет сможет временно замаскировать частоту Хань Тяньюнь как Сердца Массива,

заставив ее в глазах остальных практиков вновь казаться самой обычной, ничем не примечательной воспитательницей детского сада.

Закончив с этим, Цзю Сяньлинь смертельно бледнел — смертная оболочка отзывалась невиданной доселе истощенностью. Но, глядя на зажатую в руке подвеску, уголки его губ тронула успокоенная улыбка.

— Так удастся выиграть немного времени.

Правда, ведущая к тупику

Ближе к вечеру косые лучи заката протянули длинные тени от детского сада Подсолнух.

Хань Тяньюнь просидела в кабинете весь день, не перевернув ни единой страницы в стопке планов на столе. В ее голове снова и снова звучали изящные и жестокие слова Су Бая о живом глазе в шахматной партии, а также холодный и отчужденный образ Цзю Сяньлиня, представший перед ней в тот момент.

Когда она вышла за ворота школы и заметила парня, ожидавшего ее под раскидистым платаном, ее сердце все же пропустило удар.

Цзю Сяньлинь быстро подошел к ней. На его одежде виднелись следы земли и травинки, а под ногтями запеклась кровь. Он с некоторым смущением раскрыл ладонь, где тихо лежала простая деревянная подвеска.

— Сестра, — его голос слегка хрипел, в нем слышалась мольба. — Возьми это... ради меня, пожалуйста. Как бы сильно ты ни ненавидела меня, как бы ни сомневалась во мне, эту вещь нельзя снимать ни на минуту.

Хань Тяньюнь остановилась. Она посмотрела на непримечательную деревяшку, а затем на красивое, но изможденное лицо Цзю Сяньлиня, и накопившаяся внутри боль и обида бурной волной выплеснулись наружу.

— Что это на этот раз? Защита? Или слезка? — Глаза Хань Тяньюнь покраснели, голос отчаянно дрожал. — Точно так же, как те конструкторы, что собирались сами по себе, это очередное волшебное орудие, чтобы управлять мной?

— Это спасет тебе жизнь! — Цзю Сяньлинь сделал поспешный шаг вперед, пытаясь схватить ее за плечи. — Те люди тебе не по зубам, они...

— Они называют меня живым глазом, а ты? За кого меня принимаешь ты? — Хань Тяньюнь яростно оттолкнула его руку, и из глаз брызнули слезы. — Сяньлинь, я живой человек! У меня есть своя жизнь, у меня есть отец, есть дети, которых я учу! Я не деталь из твоей чертовой

шахматной партии!

— Я никогда не считал тебя деталью...

— Но ты никогда не говоришь мне правду! — почти отчаянно закричала Хань Тяньюнь. — Ты сидишь на моем диване, пьешь мое молоко и при этом скрываешь от меня все тайны моей судьбы! Если ты видишь во мне лишь инструмент, о котором нужно заботиться, ценный актив, подлежащий охране, тогда уходи... Мне не нужна такая высокомерная милость.

Она резко оттолкнула Цзю Сяньлиня. Деревянная подвеска выскользнула из его рук и с глухим стуком упала на шершавый асфальт, словно хрупкая нить, связывавшая их, окончательно порвалась на мелкие кусочки.

Закрыв лицо руками, Хань Тяньюнь бросилась в наступающие сумерки. Цзю Сяньлинь замер на месте, а заходящее солнце вытянуло его тень в невероятно длинную и одинокую линию.

Он медленно опустил на корточки, поднял запыленный амулет, и его пальцы мелко дрожали.

— Старик... — пробормотал он, глядя на мерцающие вдалеке высоты. — Ты видишь? Охранять того, кто не хочет твоей защиты, оказывается, куда труднее, чем противостоять ста тысячам небесных воинов.

Блюдо Возврата Душ: предзнаменование для живого мертвеца

В то же время на другом конце мегаполиса, в пентхаусе Су Бая.

За панорамными окнами сияли огни роскошного ночного пейзажа, напоминавшего млечный путь, но внутри царила тяжелая, давящая тишина.

Бронзовый диск, испещренный по окружности темно-красными заклинаниями, парил прямо посреди гостиной. В центре диска зисло глубокое углубление, из которого струился жутковатый, похожий на лунное затмение холодный свет.

Су Бай в шелковом халате глубокого фиолетового цвета, держа в руке полубокал с багровым вином, изящно прислонился к диванам. Его взгляд блуждал по диску так, будто он любовался возлюбленной или ступал по ступеням, ведущим к абсолютной власти.

— Господин, неужели... неужели это легендарное Блюдо Возврата Душ, созданное специально для извлечения духовных сущностей? — Человек в черном стоял на коленях неподалеку, боясь даже вздохнуть полной грудью. Он ощущал, как исходивший от диска холод леденит его собственную душу.

— Точнее говоря, это единственный в мире смертных сосуд, способный целиком извлечь Небесный Источник Судьбы, — Су Бай слегка приоткрыл тонкие губы, и его тон звучал до жути спокойно. — Источник — чистейшая ци между небом и землей. Если попытаться забрать его силой напрямую, душа девчонки мгновенно разрушится, а источник рассеется. Но с этой штукой...

Он элегантно покачал бокал, наблюдая, как красная жидкость стекает по стенкам.

— Блюдо Возврата Душ будет вытягивать ее духовные силы и плоть каплю за каплей, словно вытягивая шелк из кокона, пока в самом конце не извлечет то самое зерно Источника.

— И... что будет с девушкой? — дрожащим голосом спросил слуга.

Су Бай слегка повернул голову, являя миру жестокую и очаровательную улыбку:

— Она? Она останется жива. Ее грудь будет вздыматься от дыхания, сердце продолжит биться, а кожа даже сохранит тепло. Но у нее больше не останется мыслей, эмоций и сознания. Она превратится в самую красивую бездушную куклу, живого мертвеца. Разве это не дар? Пусть ее ничтожная жизнь послужит ступенькой для нашего вознесения на небеса.

Су Бай медленно поднялся на ноги и подошел к диску. Протянув палец, он легко качнул воздух перед ним.

— Гум-м-м!

Блюдо Возврата Душ издало резкий, пронзительный звон, и стрелка, словно уловив что-то, бешено закрутилась в воздухе, пока наконец намертво не замерла, указав на восток — туда, где стоял жилой дом семьи Хань.

— Идите, — глядя на стрелку, холодно произнес Су Бай. — Не тревожьте этого непостижимого юного помощника. Дождитесь глубокой ночи, когда она уснет, и заберите ее душу прямо во сне. Когда завтра он проснется и обнаружит, что охранял лишь безупречную пустую оболочку, это выражение лица наверняка окажется весьма забавным.

В темноте ночи несколько мертвенно-бледных лучей света рассекли небо, неся с собой проклятие, способное пожрать душу, и беззвучно приближаясь к уютному, но уже треснувшему по швам дому.

А Цзю Сяньлинь в этот момент стоял под окнами многоэтажки, глядя на тусклый свет в комнате Хань Тяньюнь, и с силой сжимал в ладони деревянный амулет. По его позвоночнику ползла невиданная доселе ледяная волна.